

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Смех
сквозь слезы*

ТЕЛОГРАФИТЕЛЬ
ЕО

2010

Телохраниитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Смех сквозь слезы

«Научная книга»

Серова М. С.

Смех сквозь слезы / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

На Ольгу уже дважды покушались. Сначала ее пытались сбить на машине. Потом взорвался лифт, в котором она должна была подниматься, но почему-то решила пойти пешком. С тех пор она только и ждала нового покушения. А все началось с убийства ее мужа, зарезанного неделю назад. Олин любовник, ведущий актер театра «Крейзи» Аркадий Майоров, нанимает для нее телохранителя Евгению Охотникову. Женя теряет в догадках: кому могла помешать Оля? А может, все дело в супруге Аркадия – Наталье? Ревнивая жена способна на многое... Тогда при чем здесь убийство мужа Оли? Женя окончательно запуталась и решила провести собственное расследование...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Марина Серова

Смех сквозь слезы

Глава 1

Сегодняшний день я решила посвятить домашним делам. Провести генеральную уборку, сходить за покупками по магазинам и проделать все то прочее, что полагается делать в предпраздничные дни. Завтра – 8 Марта. Я не собиралась приглашать гостей, устраивать по этому поводу пир горой, а хотелось просто посидеть с тетей за хорошим столом, побеседовать, отдохнуть и вообще приятно провести вечер. Но это будет только завтра, а сегодня предстояло еще все подготовить.

Тетушка Мила уехала, сказав, что собирается выбрать мне подарок, и отсутствовала уже более трех часов. Так что заниматься уборкой мне придется в гордом одиночестве.

Я вздохнула и надела фартук. Признаться, к празднику я относилась двояко. Как говорится, год на год не приходится. То я с нетерпением ждала этого дня, а то, наоборот, хотелось, чтобы этот день никогда не наступил. И самое смешное заключается в том, что я и сама не могла объяснить причину таких перепадов в настроении. Может, это косвенно зависело от загруженности в работе. Кстати, как раз сейчас я сидела без дела. За последний месяц вся клиентура как повымерла. Я даже соскучилась по приключениям.

И вот тут, как будто господь услышал мои слова, обращенные к самой себе, не успела я зайти на кухню с благородным намерением испечь что-нибудь душистое и воздушное, как в дверь нашей квартиры позвонили. Уверенно так, по-хозяйски.

Я прошла в коридор и посмотрела в глазок. На лестничной площадке стоял импозантный мужчина лет сорока, чрезвычайно привлекательной внешности и со вкусом одетый. Густая светлая шевелюра зачесанных назад волос с двумя небольшими залысинами на лбу, гладко выбритое лицо.

Я открыла дверь.

– Добрый день, – сказал неизвестный джентльмен приятным баритоном. – Вы случайно не Охотникова Женя? Или, пардон, я ошибся этажом?

– Нет, не ошиблись.

– Чудесно, – расплылся в улыбке визитер. – Стало быть, вы – Женя?

– Допустим. – Несмотря на всю свою лучезарность, белобрысый красавец мне не нравился. Хотя, может быть, причиной тому было мое настроение. – А вы кто?

– Не хотите для начала пригласить меня в дом? – осведомился незнакомец.

– Если честно, не хочу, – откровенно ответила я. – Но раз уж вы пришли, заходите.

Мужчина раскатисто засмеялся, но я почувствовала фальшь в этом смехе. Какой-то он был наигранный.

– Знаете, Женя, от вас так и веет гостеприимством.

Я ничего не ответила на его реплику, а молча отошла в сторону, пропуская гостя в квартиру. Он шагнул за порог, разулся и прямехонько проследовал в гостиную. От этого он мне совсем разонравился. Я не люблю беспардонных людей.

Закрыв за визитером дверь, мне не оставалось ничего другого, как тоже пройти в гостиную и присоединиться к нему. Голубоглазый блондин к этому времени уже по-хозяйски расхаживал там, разглядывая книги на полках, мебель, занавески и даже обои на стенах.

– Миленько у вас тут, – изрек наконец он, вдоволь набродившись по моей гостиной. – Скромно, но со вкусом.

– Честное слово, даже не знаю, как я жила здесь до этого без вашей похвалы, – съязвила я.

Гость развернулся ко мне лицом.

– А вы точно такая, какой я вас себе и представлял.

– Какая?

– С характером.

– Что есть, то есть, – согласилась я. – Так вы не желаете представиться?

– А вы меня разве не узнали? – изумился он.

– Я? Вас? – опешила я. – Простите, как же я могу вас узнать, если никогда прежде не видела?

Тут у меня появилось опасение, что он – сумасшедший. Я даже мысленно укорила себя за то, что впустила его в квартиру. Вдруг он сейчас начнет буянить и переколотит всю посуду. Ах, как же ты опрометчиво поступила, Женька. Однако следующим вопросом незваный гость развеял мои страхи.

– Вы не ходите в театр?

– А, так вы актер, – облегченно вздохнула я.

– Все-таки узнали, – погрозил он мне пальцем.

– Нет, не узнала. Я не хожу в театр.

– Вот как? Обидно. Почему же?

– Предпочитаю кино, – я говорила истинную правду. – А в кино вы, по-моему, не снимались?

– Нет, – поморщился он.

Мое предположение гость воспринял как оскорбление. Во всяком случае, его это задело.

– Так как насчет знакомства? – напомнила я.

– Моя фамилия Майоров, – представился он. – Аркадий Александрович Майоров. Я, как вы правильно заметили, актер. Актер театра. В настоящий момент работаю в «Крейзи».

– Простите? – не поняла я.

– Что вы не поняли, моя дорогая?

– В чем вы работаете?

Майоров снова поморщился.

– Не в чем, а где, – уточнил он. – Я работаю в театре «Крейзи». Это такое название театра. Театр в нашем городе новый. Открылся сравнительно недавно, около года назад.

Теперь я поняла, о чем он говорит. Более того, я даже кое-что слышала об этом новом театре, который располагался, если я не ошибаюсь, на Андреевской площади. Театр славился тем, что он очень богатый. Директор «Крейзи» мог позволить себе нанять самых высокооплачиваемых актеров нашего города, а также и из других городов. Вот, видимо, Майоров и относился к такой категории. Единственное, чего я не знала, так это откуда театр черпает такие колоссальные средства, но, говоря откровенно, в данный вопрос я даже не вникала.

– Скажите, Аркадий...

– Александрович, – любезно подсказал он.

– Да. Скажите, Аркадий Александрович, а почему такое странное название – «Крейзи»? Ведь это слово переводится, как «сумасшедший», да?

– Сумасшедшие. На русском языке название театра звучит как «сумасшедшие».

– Тем более, – усмехнулась я. – Так почему?

– Сумасшедшие – это мы, актеры, – пояснил Майоров.

– Что, все актеры?

– Абсолютно.

– Интересный подход. – Меня и в самом деле разбирало любопытство. – А почему?

– Только сумасшедший выберет для себя такую профессию.

Да, выходит, моя первоначальная догадка оказалась не такой уж ложной. Я снова с опаской проверила, нет ли у моего гостя под рукой чего-нибудь бьющегося.

Тем временем Аркадий Александрович бесперемонно развалился в кресле и указал мне рукой на другое, стоящее напротив:

– Садитесь.

Я изумленно вскинула брови.

– Вообще-то я здесь хозяйка.

– Это совершенно не обязывает вас разговаривать со мной стоя.

– С чего вы взяли, что я захочу с вами разговаривать? – С одной стороны, Майоров приводил меня в бешенство, с другой – притягивал своей незаурядностью и самоуверенностью.

– Я пришел предложить вам работу.

– Актрисы? – Я все-таки села в кресло напротив него.

– Ну зачем же? – Он снова засмеялся. Теперь я поняла, что в его смехе было не так. Это был театральный смех. – У меня для вас работа непосредственно по вашей специальности.

– А какая у меня специальность?

– Бросьте, – отмахнулся Майоров. – Давайте не будем играть в прятки. Я приехал сюда хорошо подготовленным к предстоящему разговору.

– Замечательно. И что?

– Вы – телохранитель, – сказал Аркадий Александрович.

Да, кто-то подложил мне свинью. Если узнаю, кто рекомендовал меня Майорову, уши пообрываю.

Мое молчание потенциальный клиент истолковал по-своему.

– Вы не сомневайтесь, Женя, деньги у меня есть. И я вас не обижу. Тем более что клиента у вас будет более чем покладистая.

– Вы хотите сказать, что нанимаете меня для чьей-то охраны? – поинтересовалась я.

– Конечно. А вы что подумали?

– Я думала, что охрана нужна лично вам.

– Мне? – Аркадий Александрович скривил губы в усмешке. – Нет, мне охрана не требуется. Я сам в состоянии постоять за себя.

– Так почему бы вам не постоять и за другого человека? За того, кого вы хотите, чтобы я охраняла?

– Здесь есть проблемы, Женя, – помолчав, изрек Майоров.

– Какие?

– Я не могу находиться рядом с ней постоянно. Двадцать четыре часа в сутки. Дело в том, что я женат.

– Но безумно любите другую, – продолжила я за него.

– Откуда вы знаете?

– Предположила.

Майоров снова выдержал паузу.

– Вы правильно предположили. Да, я люблю Ольгу. Люблю, как мальчишка. Но нам приходится скрывать свои отношения.

– Из-за вашего брака?

– Что? – Глаза Майорова полезли на лоб. – Нет. Не из-за моего брака. Он для меня не имеет никакого значения. Я как раз занимаюсь сейчас бракоразводным процессом. Тут проблема в другом. В репутации. Впрочем, вы и сами понимаете.

Честно говоря, понимала я мало. Или, если быть точной, пока совсем ничего не понимала.

– И вы хотите, чтобы я охраняла вашу Ольгу? – уточнила я.

– Совершенно верно.

– От кого?

– Если бы я знал, – пожал плечами Майоров.

От того, что я понимала все меньше и меньше, меня эта история вдруг заинтересовала.

– Давайте по порядку, Аркадий Александрович. Кто она, эта Ольга?

– Она тоже актриса нашего театра. – Глаза Майорова, когда он заговорил о возлюбленной, загорелись. – Ольга Тимирбулатова. Не знаете?

Я покачала головой.

– Ах да, – спохватился он. – Вы же не ходите в театр.

– Она замужем?

– Вот тут, как мне кажется, вы попали в самую точку.

– То есть?

– Она была замужем. – Майоров достал сигареты и, не спросив разрешения, закурил. –

И от этого, я думаю, все ее беды.

– От замужества?

– Непосредственно от самого мужа.

Я полностью запуталась.

– Они разошлись?

– Нет, – нахмурился Аркадий Александрович. – Олиного мужа убили.

Ах вот оно что! Наконец-то начинает что-то проклевываться.

– Кто его убил?

Тут, видимо, пришла очередь Майорова посчитать меня сумасшедшей. Именно так он на меня и взглянул.

– Откуда я знаю?

– Аркадий Александрович, – я разогнала рукой дым от его сигареты. – Я ничего не могу понять.

– Хорошо, – смилостивился он. – Я попытаюсь вам все объяснить.

– Сделайте одолжение.

– А вы беретесь за это дело?

– Я пока еще ничего не решила, – честно ответила я. – Выкладывайте.

– Значит, так. – Майоров выдохнул дым через ноздри. – Ласточкина убили неделю тому назад...

– Стоп! – сразу прервала его я. – Кто такой Ласточкин?

– Ольгин муж, – пояснил мой собеседник.

– Минуточку! – Я выставила вперед ладонь. – Вы сами только что сказали, что фамилия Ольги – Тимирбулатова. Или я чего-то не поняла?

– Все правильно, – подтвердил он. – Тимирбулатова.

– А при чем тут Ласточкин?

– Ласточкин, – с расстановкой начал Майоров, – это фамилия ее мужа, а Тимирбулатова – это ее фамилия.

– Так у них разные фамилии, – протянула я. – С этого и надо было начинать.

– Я думал, это и так понятно, – недовольно буркнул Аркадий Александрович. – Актрисы никогда не меняют фамилий, выходя замуж. Ну, если только в редких случаях.

– Я этого не знала, – сказала я.

– Так вот, – продолжил Майоров. – Федора Ласточкина убили неделю назад. Кто его убил и за что, неизвестно. Казалось бы, вообще без причины. Хотя он был отвратный тип. Но не в этом дело. После его смерти стали покушаться на Ольгу.

Теперь картина в общих чертах мне была ясна.

– И как же на нее покушались? – спросила я.

– Первый раз ее чуть не сбили машиной, а второй раз, вчера, чуть было не взорвали в лифте.

Надо же, сколько «чуть».

– Номер машины кто-нибудь запомнил? – осведомилась я.

– Это случилось после наступления темноты. Ольга даже машину не разглядела, – ответил Майоров.

Ладно. Это могло быть и простой случайностью.

– А что за история с лифтом? – продолжала я пытаться собеседника.

– Здесь, я думаю, Ольгу спасло чистое везение. – Майоров наконец-то потушил свою сигарету. – Она зашла в подъезд, но решила не ехать на лифте, а подняться на пятый этаж пешком. Когда она находилась между вторым и третьим этажом, в лифте взорвалась бомба, и он загорелся.

– Жертв нет?

– Нет, конечно, – замотал головой Майоров. – Там же никого не было.

– Это все? – спросила я.

– По-вашему, этого мало? – изумился он.

– Нет, этого более чем достаточно для подозрений. Но, подумайте, это ведь могло быть и простым совпадением.

– Вы шутите? – Майоров даже привстал. – Какие совпадения? Ольгу пытаются убить, как убили ее мужа.

– Кстати, а как его убили?

– Его зарезали, – поморщился Аркадий Александрович.

– Где? При каких обстоятельствах?

– Не знаю. Никто не знает. Он ушел на работу, а вечером того же дня его нашли заколотым.

– Кто нашел?

– Надо полагать, милиция, – пожал плечами Майоров. – Это они позвонили Ольге и сообщили ей о случившемся.

– А где работал Ласточкин? – задала я очередной вопрос.

– У него была своя фотостудия, – с пренебрежением бросил Майоров. – Но, надо заметить, все фотографии у него не представляли собой ничего стоящего.

Я призадумалась. С одной стороны, дело выглядело заманчивым. Как я уже сказала, в глубине души оно меня заинтересовало. То, что я сказала Майорову по поводу совпадений, было спонтанным. Интуиция подсказывала мне, что все перечисленные Аркадием Александровичем события взаимосвязаны. Однако была и другая сторона медали. Во-первых, завтра праздник, и, худо-бедно, я собиралась его отпраздновать, а во-вторых, мне совсем не импонировал Майоров.

– Так вы согласны? – нетерпеливо спросил он.

Я еще раз взвесила все «за» и «против», и профессиональный инстинкт взял верх.

– Согласна, – выдохнула я. – Когда приступать?

– Сейчас. – При этих словах Майоров поднялся с кресла.

– Что, сию секунду?

– Да. Если вы не против, мы можем поехать в театр прямо сейчас. Сегодня как раз спектакль, и Ольга наверняка уже там. Я познакомлю вас, и вы приступите к своим обязанностям.

Я колебалась недолго.

– Хорошо. Я только переоденусь и соберу необходимые вещи.

– Ну вот и замечательно. – Майоров снова достал сигареты. – А я пока покурю.

– Будете ждать меня на улице? – с надеждой в голосе спросила я.

– Да нет, я, знаете ли, лучше здесь. – И он щелкнул зажигалкой, прикуривая.

Непробиваемый тип.

Как правило, мои сборы ограничивались необходимым запасом париков, коробки с грим-принадлежностями и прочими атрибутами, требуемыми для изменения образа. Да, в душе я

была актрисой похлеще десяти Майоровых, вместе взятых. Во мне сидело более двух дюжин образов, которые я могла принимать, когда того требовала ситуация. Благодаря этому я даже заслужила кличку Хамелеон. Переход из одного внешнего образа в другой являлся частью моей методики работы. И частенько это приносило фантастические результаты.

Упаковав все необходимое в большую сумку, я вернулась к Аркадию Александровичу.

– Я готова.

– Вы собираетесь в театр в таком виде? – изумился он, оценив мой спортивный прикид.

– К вашему сведению, Аркадий Александрович, я еду на работу, а не развлекаться.

– Да, конечно. Это ваше право, – согласился он и, затушив сигарету в пепельнице, стоявшей на моем журнальном столике, добавил: – Поехали.

Я оставила тете записку, пообещав обязательно позвонить при первой возможности, и спустилась вслед за Майоровым на улицу.

У подъезда красовался белоснежный «Мерседес». Еще прежде чем мы подошли к нему, я ни на секунду не усомнилась, что передо мной автомобиль Аркадия Александровича. Так оно и оказалось. Майоров галантно распахнул дверцу, и я нырнула в салон. Он сел за руль.

Пока мы ехали к Андреевской площади в театр с экстравагантным и странным названием «Крейзи», я решила не терять времени даром и выяснить кое-что о самом Майорове от него самого.

– А почему вы разводитесь, Аркадий Александрович? – задала я невинный на первый взгляд вопрос. – Из-за Тимирбулатовой?

Он ответил не сразу. Видимо, обдумывал, как лучше ответить. Неизменная интуиция подсказывала мне, что господин Майоров еще тот фрукт. Он всего не скажет.

– Не только, – сказал он. – Мои отношения с Натальей и так неизбежно шли к разводу.

– Не сошлись характерами, да?

– Не повезло, – хмыкнул он. – Мне вообще в этом плане не везет.

– В каком плане?

– Семейная жизнь не складывается. – Майоров вел машину не спеша, как бы подчеркивая свое величие. – Что я только не делал, какие усилия не прилагал, а все как в трубу!

– Вы же любите другую женщину, – напомнила я.

– Ну и что? Любовь – это одно, а семья – это совсем другое. Я эти две вещи предпочитаю не путать.

– Может, оттого и не складывается семейная жизнь? – предположила я.

– Глупости, – уверенно сказал он. – До встречи с Ольгой было то же самое.

– А дети у вас есть?

– С Наташкой-то? – переспросил он. – С Наташкой нет.

Странная формулировка. Я решила слегка углубить эту тему.

– А с кем есть?

– У меня дочь от первого брака, – проинформировал меня он.

– Ах, вот оно что! – рассмеялась я. – Так, значит, процесс развода для вас не в новинку?

– Значит, так, – легко согласился он.

– И сколько же у вас было браков?

– Вот именно браков, – подхватил Майоров. – Хорошее дело, Женечка, браком не назовут.

– Так сколько? – не отставала я.

– Два, конечно.

– Почему «конечно»?

– Так я вроде бы еще не такой уж и старый, а? – Он игриво подмигнул мне правым глазом.

Заигрывает, что ли? Не так давно он заливал мне, что безумно влюблен в Олечку Тимирбулатову. Нехорошо, Аркадий Александрович, нехорошо.

– А дочери вашей сколько сейчас лет?

– Лет пять, наверное, уже.

– Наверное? Вы что, точно не знаете?

– Вы хотите, чтобы я прямо сейчас занялся подсчетами?

Кажется, его этот разговор начал раздражать. Пора закругляться, Женька.

– Так вы с ней не видите?

– Нет.

– Почему?

– Некогда. На все нужно иметь время. А его у меня практически нет.

Мысленно я пообещала себе выяснить все обстоятельства личной жизни моих любимых киноактеров. Вдруг они такие же негодяи и любви моей, соответственно, не заслуживают.

Всю оставшуюся часть пути до театра я к Аркадию Александровичу с расспросами больше не лезла, решив с этим немного повременить, и мы доехали до места назначения в полном молчании.

Около здания театра Майоров запарковал свой «Мерседес» и, выключив двигатель, повернулся ко мне:

– Ну что, Женя, вы готовы окунуться в мир «Крейзи»?

– Звучит ужасно, но я готова, – отважно ответила я.

Мы вышли из машины, и Майоров поставил ее на сигнализацию.

– Прошу, – он указал рукой в сторону входа в театр.

Слухи, распространившиеся по городу о денежных ресурсах новой колыбели искусства, не были лишены оснований. Я убедилась в этом самолично, оказавшись внутри театра. Денег на его отделку явно не пожалели. Здесь все радовало глаз. И стены, украшенные лепниной, и полы из дубового паркета, и мягкая мебель, обтянутая дорогой кожей. Красоты театра «Крейзи» можно было описывать до бесконечности.

– Впечатляет? – спросил меня Майоров.

– Не то слово.

– Это элитный театр, – констатировал он. – Давайте пройдем к гримерным.

Мы прошли через гардероб и поднялись по лестнице на второй этаж. Здесь было два длинных коридора, уходящих вправо и влево, а прямо по центру уютный холл для отдыха с тремя широкими диванами, низкими столиками с пепельницами на них и огромным встроенным в стену баром.

– Правый коридор с мужскими гримерками, левый с женскими, – проинформировал меня Майоров. – А здесь что-то вроде курилки. Располагайтесь, а я пока схожу за Олей. Если хотите, можете чего-нибудь выпить. В баре напитки на любой вкус.

Сказав это, Аркадий Александрович удалился, а я осталась в так называемой курилке. Подумать только. Откуда же такие средства?

Ради интереса я подошла к бару и раскрыла его. Майоров не преувеличивал. Разнообразие алкогольных и безалкогольных напитков поражало. Даже самый привередливый нашел бы здесь то, что ему необходимо. Я правда не собиралась ничего пить и хотела уже было закрыть бар, как вдруг за своей спиной услышала приятный мелодичный голос:

– Лично я посоветовала бы вам попробовать «шерри». Изумительный напиток. Всегда предпочитаю его всем другим.

Я обернулась. Рядом с Аркадием Майоровым стояло создание воистину неземной красоты.

– Познакомьтесь, это Ольга, – сказал Майоров и, уже обращаясь к своей спутнице, представил меня. – А это, Олечка, Женя, о которой я тебе рассказывал.

– Очень приятно. – Ольга протянула мне руку. – Надеюсь, мы подружимся.

– Я тоже так думаю, – ответила я.

Тимирбулатова была невысокого роста, но зато идеально сложена. Ее черное облегающее платье подчеркивало совершенные формы тела. У нее были средней длины каштановые волнистые волосы, обрамляющие круглое свежее лицо. Слегка раскосые восточные глаза, озорно вздернутый носик и идеальные линии алых губ. На подбородке у Ольги была едва заметная ямочка, так прекрасно дополнявшая две других, появлявшихся на щеках всякий раз, когда она улыбалась. Кстати, улыбка у нее тоже была озорной, и перламутровые зубы отбрасывают, казалось, куда больше света, нежели люстра, свисавшая с потолка.

– Ну вот и познакомились, – обрадованно сообщил Майоров. – Оставляю вас наедине. Еще увидимся.

– Теперь только на сцене, Аркаша, – игриво прищурилась Ольга.

– Да. – Он послал ей в ответ одну из лучших своих улыбок и ретировался в коридор с мужскими гримерными.

Тимирбулатова снова повернулась ко мне.

– Не могу поверить, – сказала она. – Девушка – и вдруг телохранитель. Это правда?

– Самая настоящая, – уверила ее я.

– Фантастика. И давно ты этим занимаешься?

– Прилично. Уже успела привыкнуть.

– Слушай, а ничего, что я с тобой на «ты»? – запоздало поинтересовалась Ольга.

– Нет, конечно, – улыбнулась я. Клиентка произвела на меня приятное впечатление, и она мне нравилась. – Ведь мы ровесницы.

– Так ты хочешь чего-нибудь выпить? – Она кивнула на бар.

– Нет, спасибо. Может быть, в следующий раз.

– Тогда пойдем ко мне в гримерку. А то мне к спектаклю надо готовиться.

– Пойдем, – согласилась я.

У каждого актера в театре «Крейзи» была отдельная гримерная с табличкой на двери.

– Вот тут мы и обитаем, – сообщила Ольга, направляясь к зеркалу. – Нравится?

– Здесь все на высшем уровне, – оценила я.

– Велиханов старается.

– Велиханов, это кто?

– Анатолий Викторович. Наш директор, – пояснила она. – У тебя, думаю, еще будет возможность с ним познакомиться.

– Это он сам все закупил?

– Нет, что ты, – рассмеялась Ольга. – Здесь все приобретено на спонсорские деньги.

Разговаривая со мной, она занималась своими волосами. Старательно забрала их назад, закрутила, а сверху на голову водрузила огромный парик. Перешла к доработке макияжа.

– Что за спектакль сегодня играете? – спросила я для проформы.

– «Ричард III». По Шекспиру. Незабвенному нашему Вильяму.

В литературе я разбиралась и эту пьесу великого драматурга знала.

– И кого ты играешь?

– Леди Стенли.

Роль была далеко не из главных. Если мне не изменяет память, леди Стенли должна была появляться на сцене максимум два раза на протяжении всего спектакля, и то минут по пять, наверное.

– А кто играет Ричарда?

– Аркадий, конечно, – ответила она таким тоном, как будто я спросила, а есть ли вообще Ричард в этой пьесе.

– Понятно.

Она закончила гримироваться и, прежде чем облачиться в костюм соответствующей эпохи, откинулась на спинку крутящегося кресла, развернулась ко мне и с наслаждением закурила сигарету.

– Ты извини меня, Женя, – сказала смущенно. – Я сейчас к роли готовлюсь. Волнуюсь жутко. А тебе, наверное, хочется поговорить о деле?

– Ничего, я подожду, – утешила я Тимирбулатову. – Мы с тобой еще успеем наговориться, когда домой приедем. Ведь так?

– Так. Но если хочешь, на пару вопросов я могу ответить. Скажу тебе сразу. Самое неприятное то, что я боюсь.

– Чего именно?

– Смерти.

– Все боятся смерти, Оля, – философски заметила я.

– Правильно, только не у всех она маячит на горизонте.

– Ты преувеличиваешь, – я решила немного подбодрить ее. – Ничего у тебя не маячит.

– На меня уже дважды покушались.

– Я знаю об этом.

– С тех пор я только и жду нового покушения.

– Не надо.

– А вдруг с третьей попытки им удастся меня ухлопать?

– Не удастся, – категорично отвергла я это предположение.

– Почему?

– Хотя бы потому, что теперь рядом с тобой я.

Она заставила себя улыбнуться. Я видела, с каким трудом далась ей эта улыбка. Несмотря на внешний лоск и свободную манеру общения, Ольга Тимирбулатова была человеком легко-ранимым. Я это чувствовала.

– Ты любишь Майорова? – спросила я ее.

– Люблю. Очень. Может быть, в это и нелегко поверить, но я его люблю.

– А своего покойного мужа любила?

Вопрос о муже снова навевал на нее мрачное настроение. Ей, видно, не очень хотелось касаться этой темы. Но что поделаешь? Меня-то как раз интересовала именно она.

– Наверное, любила, – выдавила наконец из себя Тимирбулатова. – Только это было очень давно. В дни моей юности. А потом... Потом чувство куда-то испарилось. Осталась только инерция, как говорит Аркадий.

Выходит, Майоров и в самом деле имел над ней огромное влияние, если она даже цитирует его.

– Что он был за человек? – серьезно спросила я, глядя Ольге в глаза.

– Федор?

– Да.

– Как тебе объяснить? Он...

Договорить Тимирбулатова не успела. Трижды прозвенел театральный звонок, и она засуетилась.

– Господи, третий звонок, а я еще не в костюме. Ты извинишь меня?

– Конечно, – улыбнулась я. – У каждого из нас своя работа.

Ольга схватила платье и нырнула за ширму.

– Ты, если хочешь, – предложила она, высовывая голову, – можешь посмотреть спектакль из-за кулис. А не хочешь, жди меня здесь. Впрочем, как знаешь. Главное, не стесняйся.

Тимирбулатова меня еще не знала. Стеснительной девочкой я никогда не была. Так что тут беспокоиться не о чем.

Спустя минуты две Ольга уже появилась в костюме.

– Ну, все. Я пошла. – Она нервно потерла руки. – Сколько уже играю, а каждый раз перед выходом волнуюсь. Представляешь?

– Нет, – честно ответила я.

Она засмеялась.

– Спасибо, что подбодрила.

– Не за что.

– Здесь по динамику будет передаваться все, что происходит на сцене. – Она указала мне на радиопередатчик, висевший на стене. – Если не хочешь смотреть, послушай.

– Обязательно, – заверила ее я.

Уже от самой двери Тимирбулатова обернулась и сказала:

– А Федор, Женя, был очень гнилой человек.

И после этих слов она вышла. В ту же секунду из динамика полилась музыка. А через мгновение на ее фоне я услышала слова:

«Здесь нынче солнце Йорка злую зиму в ликующее лето превратило...»

Это был голос Майорова. Спектакль начался.

Глава 2

Итак, для начала я решила прикинуть, что мне известно на данный момент. Моя непосредственная клиентка – Тимирбулатова Ольга. На нее уже дважды покушались. Первый раз ее пытался сбить на машине неизвестный водитель. К сожалению, по словам Аркадия Майорова, Ольга не заметила не только номер машины, но даже цвет и марку. Стало быть, с первым покушением мне ухватиться не за что. Перейдем ко второму.

Тут у меня созрела одна мысль. Если устроить опрос жильцов дома, возможно, удастся выяснить, кто посторонний до этого заходил в подъезд. Как показывала практика, всегда находится человек, который что-то видел или что-то слышал. По статистике, процентов семьдесят преступлений раскрывается таким образом.

Что еще у меня есть? Труп Ольгиного мужа, в качестве довеска. Человека, имевшего свою фотостудию и однажды утром ушедшего на работу, а вечером найденного зарезанным. Пока люди, с которыми я успела познакомиться, а именно Майоров и Тимирбулатова, были не очень высокого мнения о покойном Ласточкине. В прошлом этого человека также не лишним было бы покопаться.

И вдобавок сам господин Майоров. Личность очень таинственная. Ну, с этим попозже.

Меж тем из динамика, висевшего на стене в гримерке Тимирбулатовой, доносились голоса актеров, игравших в это время на сцене. Непроизвольно я прислушалась. Один из голосов мне показался очень знакомым. Я подошла поближе к динамику и встала напротив него, заложив руки за спину. Где же я могла его раньше слышать?

Прислушав небольшой отрывок из спектакля, я поняла, что актер, чей голос меня так заинтересовал, исполнял роль принца Уэльского. Но кому принадлежит этот голос, я никак не могла вспомнить.

На голоса у меня была хорошая память, но еще лучшая память у меня была на лица. Поэтому, движимая интересом, я все же решила пройти к сцене и взглянуть на этого человека.

Минуя курилку, я зашла с задней стороны сцены и попала как раз за кулисы. Ольга стояла с противоположной стороны и, завидев меня, приветливо помахала рукой. Я ответила ей тем же.

На сцене вовсю «трудился» Майоров. Его было не узнать. Лично я бы ни за что не догадалась, кто это в гриме, не зная об этом заранее. Кроме него, на площадке находилось еще несколько человек, но актер, исполнявший роль принца Уэльского, в данный момент стоял ко мне спиной. Однако его фигура мне также показалась знакомой.

Но вот он пошел вдоль рампы, произнося на ходу очередную реплику, развернулся и двинулся в обратном направлении.

Естественно, я узнала его сразу. Это был мой старый знакомый Жемчужный Константин Эдуардович.

Когда-то я занималась одним делом, охраняя своего клиента, а Костя был другом этого человека. Произошло это чуть меньше года тому назад, но Жемчужного я запомнила. Это была одна из самых интересных личностей, которых мне приходилось когда-либо встречать.

Тогда Костя здорово помог мне, сыграв для убийцы роль наживки. А, признаюсь, поначалу я и его подозревала.

Ну надо же какая встреча! Помнится, он был даже влюблен в меня. Более того, предлагал выйти за него замуж, но я тогда отказалась.

Встретить Костю здесь, сегодня, в этом театре мне было приятно. Все-таки какая-никакая, а родственная душа.

Я вернулась в курилку. Рано или поздно он должен был сюда выйти. В глубине души будучи эгоисткой, я решила использовать эту встречу и в интересах нового дела. Кто, как не

Костя, посвятит меня во все тайны театра «Крейзи». Да, с его помощью я рассчитывала найти ответы на многие интересующие меня вопросы.

Я не ошиблась в своих расчетах. Минут через пять Жемчужный появился в курилке.

– Привет, Костя! – беспечно бросила я, вставая ему навстречу.

– Женья! – обрадованно воскликнул он.

В ту же секунду Жемчужный заключил меня в объятия и, слегка приподняв, покружил.

– Господи, ты ли это?

– Я. Поставь меня на место.

Он так и сделал.

– Глазам своим не верю! Что ты здесь делаешь?

– Работаю, – просто ответила я.

– Кем? – Он удивленно вытаращил глаза.

Я рассмеялась.

– Это не то, что ты подумал. Я по-прежнему телохранитель.

– Seriously?

– Вполне.

– И кого же ты охраняешь? Майорова?

– Почему ты так решил? – насторожилась я.

– Просто я подумал, а не боится ли Аркаша быть задушенным в объятиях любвеобильной публики?

– А, понятно. – Для меня стало ясно, что Жемчужный в своем репертуаре. Шутить и паясничать он любит.

– Слушай, давай присядем. – Он галантно указал мне рукой на диван и, после того как я села, сам опустился рядом. Закурил. – Так правда, кого ты охраняешь?

– Тимирбулатову.

– Олю? – вскинул бровь Костя. – Выходит, я не совсем попал пальцем в небо.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Оплачивает-то твои услуги Аркаша. Не так ли?

– Кость, давай начистоту. – Я посмотрела ему прямо в глаза. – Что тебе известно обо всей этой истории?

– А что мне будет, если я отвечу?

– А что ты хочешь?

– Поужинать с тобой.

– Сегодня я не могу, но обещаю подумать об этом.

– Тогда и я подумаю.

– Костя! – Я даже топнула ногой.

– Ладно, шучу, – он смешливо прикрыл голову руками, как бы закрываясь от удара, – только давай поговорим обо всем чуть позже. Сейчас мне на сцену.

– Ты играешь Уэльского, да?

– Да. Главную роль мне, к сожалению, не дали. Рылом не вышел.

– Завидуешь? – хитро прищурилась я.

– Кто? Я? Брось. Каждому свое.

– А как ты вообще попал сюда? Ты же в драматическом играл.

– Играл, – не стал отрицать он. – Но здесь платят больше. Хотя, с другой стороны, там я был король и премьер-актер, а тут есть другие короли.

– Например, Майоров?

– Чтобы тягаться с ним в актерском мастерстве, – помолчав, сказал Жемчужный, – я еще не дорос.

В этот момент в дверях, ведущих на сцену, появилась полноватая женщина в розовом брючном костюме.

– Жемчужный, – сказала она неприятным скрипучим голосом. – Скоро ваш выход.

– Иду. – Костя потушил сигарету и встал.

– Ты только обо мне не забудь, – напомнила ему я.

– Ну что ты, – улыбнулся Жемчужный. – Я о тебе каждое утро вспоминал, а теперь и подавно не забуду. А ты пока насчет ужина подумай, время у тебя есть.

– Хорошо. Удачи тебе на сцене.

– Спасибо. – Он послал мне воздушный поцелуй и вернулся на «рабочее место».

Я осталась одна. Да, то, что в этом деле рядом со мной будет Костя, большая удача. Лучшего помощника и пожелать нельзя. Это он только строит из себя буку, а на самом деле Жемчужный был очень чутким и отзывчивым человеком.

– О чем задумалась? – услышала я голос над самым ухом.

Подняла голову. Это была Тимирбулатова. Она сняла с головы парик и бросила его на диванчик.

– Жарко в нем, – сообщила мне.

После этого она подошла к бару, достала оттуда бутылку лимонада и опустошила ее прямо из горлышка.

– Не хочешь? – спросила она меня. – Тут есть еще.

– Нет, спасибо, – отказалась я.

– А я уже все. Отстрелялась, – радостно произнесла Ольга. – Больше у меня выходов нет, теперь только на поклон. Ты не куришь?

Настроение у Ольги явно поднялось. Она вся так и светилась от счастья. Вот что с людьми искусство делает.

– Нет.

– Жаль. А то у меня сигареты в гримерке, а идти неохота.

Станный все-таки народ – актеры. Перед спектаклем ходят замкнутые, слова лишнего не вытянешь, а после – становятся похожими на фейерверк. Так и искрятся счастьем.

– А как там Аркадий Александрович? – спросила я.

– О... – Ольга закатила глаза. – Ты знаешь, чем больше я его вижу на сцене, тем больше убеждаюсь, что он талант.

– Оль, а можно задать тебе нескромный вопрос?

– Конечно, задавай. О чем ты говоришь?

– Скажи, а о вашем романе с Аркадием Александровичем всем известно или нет?

– Да ты что? – замахала она руками. – Об этом никто не знает. Хотя, если честно, я готова кричать об этом на улицах. А что? Пусть все знают.

– И что же тебе мешает?

– Аркаша не хочет этого, – помрачнела она. – Но и его можно понять. Такой человек, как он, без сомнения, должен заботиться о своей репутации.

Последнюю фразу она произнесла с неподдельным восхищением.

Странно, подумала я. Откуда же тогда Костя так с ходу догадался, что мои услуги по охране Тимирбулатовой оплачивает Аркадий Майоров? Не телепат же он, в самом деле?

– А ты знаешь, – решила я сменить тему, – я встретила в вашем театре своего старого знакомого.

– Да ну? – удивилась Ольга. – Он тоже актер?

– Актер.

– И кто он, если не секрет?

– Жемчужный, – ответила я.

– Кастет? – уточнила моя новая клиентка. – Ты была раньше знакома с Кастетом?

Я не удивилась тому, что Тимирбулатова называет так Костю. Еще при нашей первой встрече Жемчужный признался мне, что друзья и коллеги обращаются к нему по кличке Кастет. Надо полагать – производное от имени. Выходит, с тех пор ничего не изменилось.

– Да. А почему тебя это удивляет?

– Кастет – актер до мозга костей. Поэтому я и решила, что его круг общения ограничивается такими же, как он.

– У тебя с ним хорошие отношения?

Ольга пожала плечами.

– Трудно сказать. Скорее у меня вообще нет с ним никаких отношений. Правда, не считая деловых.

– А у Аркадия Александровича?

– С Аркашей их тоже друзьями не назовешь. Тут даже имеет место конкуренция. И тот и другой по природе своей лидеры. Но мастерство Аркадия Майорова значительно выше, и Жемчужному ничего не остается делать, как мириться с этим. И думаю, ему это не очень приятно.

– Ты не будешь возражать, Оля, если я после спектакля немного пообщаюсь с Костей? – как можно невиннее поинтересовалась я.

– Ну конечно, нет. Я ведь все понимаю. Старым знакомым всегда есть о чем поговорить.

При этом она заговорщицки подмигнула мне. Я добилась того, чего хотела. Ольга не заподозрила, что я собиралась беседовать с Жемчужным непосредственно о ней. Так пусть она лучше остается в неведении. А то еще неизвестно, какая реакция по-следует.

– Но ты недолго? – осведомилась она.

– Нет. Минут двадцать от силы.

– Самое то. Я как раз переоденусь, и мы поедем.

– Договорились.

После этого Ольга все-таки не выдержала и сходила в гримерку за сигаретами. Я решила больше не расспрашивать ее ни о чем. Во всяком случае, до тех пор, пока не поговорю с Жемчужным.

Спектакль вскоре закончился, и Ольга, загасив окурок в пепельнице, убежала на поклон к публике.

Довольно долго звучали аплодисменты, крики «Браво!», а некоторые в зале даже скандировали «Майоров! Майоров!».

Кумир. Что там говорить...

Наконец актеры начали расходиться по своим гримеркам. Ольга, снова подмигнув мне, пронеслась мимо. Со ступенек спустился Майоров. В правой руке он держал парик, в левой бутфорский меч. Пот струился ручьями по его лицу.

– Смотрели спектакль из-за кулис? – спросил он меня на ходу. – И как вам?

– Бесподобно, – беззастенчиво соврала я.

– Поверьте, – улыбнулся Аркадий Александрович, – сегодня был не лучший спектакль.

Партнеры подкачали.

С этими словами он удалился. Довольный и счастливый.

Последним со сцены сошел Жемчужный. Его лицо нельзя было назвать радостным.

– Тебе отдавили ногу? – шутливо поинтересовалась я.

– Мне отдавили душу.

Таким Жемчужного я еще не видела, а потому не упустила случая поязвить на эту тему.

– Не расстраивайся так. Придет еще и твое время. Публика будет носить тебя на руках, а Майоров станет старым и никому не нужным.

Жемчужный тут же вскинулся. Видно, понял, что дал слабинку.

– Ты думаешь, я из-за Аркадия так убиваюсь? Завидую, что ли?

– А что, нет?

– Нет, конечно. – Он принял привычный беспечный вид и закурил сигарету. – Мне нет никакого дела до его славы. Причина в ином, Женечка.

– В чем же? – поинтересовалась я.

– В отсутствии искусства в нашем театре. Между актерами нет слаженности, Женя. Нет ансамбля. Понимаешь?

– Не совсем, – призналась я.

– Каждый играет сам за себя. Рисуетя перед публикой. А то, что на сцене рядом с тобой находится партнер, так на это наплевать. Главное – «я». И так мыслит каждый. А от этого, в свою очередь, гибнет искусство.

– Красивые слова, – резюмировала я его тираду. – А сам-то ты, Костя, разве не так мыслишь?

– Нет, – категорично отверг он такое предположение. – Для меня важен театр во мне, а не я в театре.

– Почему же не уйдешь в другой театр? – продолжала я сыпать вопросами.

– Потому что некоторые люди истолкуют мой уход совсем по-иному, а мне бы этого не хотелось, – просто ответил он.

Могу поспорить, что он подразумевал Майорова. Не знаю почему, но я это почувствовала.

– Но ты, кажется, хотела о чем-то поговорить со мной. – Жемчужный окончательно стал самим собой. – Или запомнила?

– Я все прекрасно помню.

– Тогда я полон внимания. – Он закинул ногу на ногу. – Допрос будет с пристрастием?

– Конечно, с пристрастием, – обрадовала его я. – Буду даже вгонять иглы под ногти.

Согласен?

– А куда деваться? Что только не сделаешь ради ужина с прекрасной дамой!

– Ладно, выкладывай начистоту, что тебе известно о моей предстоящей работе? – перешла я наконец на серьезный тон.

– То же, что и всем, Женя. Несколько дней назад ухлопали Оленькиного муженька, а теперь и на ее жизнь пытаются посягнуть.

– Может, всем уже известно, кто автор этих проделок?

– Нет, неизвестно. Но не я, точно.

– Уверен?

– На сто процентов. А на самом деле, Женечка, – добавил он, – ты зря ерничаешь. В театре слухи распространяются быстро. Со скоростью звука. Ты сможешь сама в этом убедиться.

– Ну, хорошо, – кивнула я. – Тут ты меня уговорил. Но откуда ты взял, что меня нанял Майоров?

– А кто еще тебя мог нанять? – Жемчужный частенько любил отвечать вопросом на вопрос.

– Со слов самой Тимирбулатовой я поняла, что их отношения с Аркадием Александровичем тщательно скрываются, а ты, выходит, в курсе. Хотя, по оперативным данным, вы с Майоровым не самые близкие друзья. Как ты это объяснишь?

Костя открыто рассмеялся.

– Здесь все очень просто, моя красавица. Аркадий – отъявленный бабник. Таких ловеласов, как он, еще поискать надо. Его похождения – живая легенда. Ты представить себе не можешь, сколько у него было женщин. Он и сам, наверное, сбился со счета. Разумеется, он все это не афиширует. Заботится о своей репутации. Но у меня такое ощущение, что о его многочисленных романах известно всем, кроме... – тут Костя снова не смог сдержать смеха, – кроме самих женщин, с которыми он крутит.

- Он утверждает, что с Тимирбулатовой у него серьезно, – сказала я.
- Он все время так утверждает, – ответил Жемчужный, – и, может быть, в глубине души сам в это верит. Кстати, скажу тебе по секрету, по театру прошел легкий слухок, что не исключено, будто Олиного мужа отправил на тот свет сам Майоров.
- Это глупость, – заявила я. – Зачем ему тогда нанимать меня?
- Да я не спорю, Жень, – тут же открестился Костя от этой версии. – Я сказал, что слухок такой был. Вот и все. Может, тебе в работе пригодится.
- Может, и пригодится, – ответила я. – Если узнать, кто этот слух пустил. Вдруг сам убийца?
- Ты думаешь, что убийца находится здесь, в театре?
- Ничего я не думаю, Костя. Расслабься. Лучше расскажи мне вкратце, что собой представляют Майоров и Тимирбулатова? – попросила я.
- Про Аркашу я тебе все сказал.
- Разве?
- А что я упустил?
- Как насчет его актерского мастерства?
- Тут Жемчужный ненадолго задумался.
- Знаешь, не стану кривить душой, – мрачно бросил он после паузы. – На сцене Майоров – король. Это очень сильный актер. Ты это хотела услышать?
- Ладно, не злись, – примирительно сказала я. – А что скажешь про Тимирбулатову?
- Как про актрису?
- Хотя бы.
- Есть такой анекдот, – начал Костя издалека. – Отец говорит своей дочери: «Выйти замуж за актера? И думать не смей! Никогда в жизни!» Однако, заинтересованный выбором своей девочки, он сходил-таки на спектакль, в котором играл ее избранник. А вернувшись домой, он сказал ей: «Я все понял, дочка. Выходи за него замуж. Он вовсе не актер». Вот такие дела, – завершил Жемчужный.
- И что? – не поняла я.
- Этот анекдот можно адресовать Тимирбулатовой.
- В каком смысле?
- Она не актриса, Женя.
- Тогда почему же она работает в таком престижном театре?
- А ты сама не догадываешься? – ухмыльнулся Костя. – Из-за Майорова. Благодаря ему ее здесь и держат. Да и вообще в искусстве.
- И многих Аркадий Александрович протолкнул таким образом?
- Немало. Все девушки мечтают стать актрисами.
- Ясно. А Ольгин муж? – не отставала я от Кости. – Федор Ласточкин, кажется. Ты с ним не был знаком?
- Ну, за ручку мы с ним не здоровались, – улыбнулся Жемчужный. – Хотя пару раз я разговаривал с ним.
- И каково впечатление?
- Он мне не очень понравился. Морда у него какая-то хитрая была. Я бы даже сказал, лисья. Он как бы всех подозревал в чем-то.
- Может, в любовной связи со своей супругой? – спросила я.
- Может, – не стал спорить Костя. – По ним было видно, что жили они не очень дружно. Совет да любовь отсутствовали.
- А у тебя лично, Костя, есть какие-либо предположения, кто его убил? И, соответственно, кто теперь охотится за Ольгой?
- Ни малейших, – честно ответил он. – Я не задавался этими вопросами.

Видя, что я помрачнела, Костя сказал с легкой грустью:

– Ты извини, но я действительно больше ниче – го не знаю. Мне очень жаль, что я не смог помочь тебе.

– Ничего страшного. – Я поднялась с дивана, и Жемчужный последовал моему примеру. – Мне пора ехать. А насчет ужина могу тебя заверить, что рано или поздно он состоится.

– Я буду счастливейшим из смертных.

– Люблю дарить людям счастье, – скокетничала я. – Ну, пока. Еще увидимся.

Я направилась к гримерке Тимирбулатовой, но в тот момент, когда оказалась на входе в коридор, Жемчужный окликнул меня:

– Женя!

Я обернулась.

– В этом деле, – сказал он, – ты можешь полностью рассчитывать на мою помощь.

– Спасибо, – ответила я и на прощанье помахала ему рукой.

Ольга уже была готова к отъезду.

– Я тебя заждалась, – хитро прищурилась она, когда я появилась на пороге ее гримерной.

– Так получилось.

– Наболтались вволю с Кастетом?

– Не то слово, – вздохнула я. – Ну что, поехали?

– Поехали.

Мы с Тимирбулатовой вышли на улицу. Уже стемнело. Погода была прохладной, и я поежилась.

Ольга привычно вышла на дорогу и стала голосовать. Третья по счету машина остановилась рядом с нами, и Ольга, сторговавшись с водителем, подала мне знак.

Мы обе расположились на заднем сиденье.

– Денег на то, чтобы добраться до дома, уходит куча, – пожаловалась мне Тимирбулатова. – А общественного транспорта в жизни не дождешься. Тут можно и до утра простоять. Поверь мне. Почти каждый день езжу.

– Далеко живешь? – поинтересовалась я.

– У черта на куличках. Сейчас сама убедишься. На машине и то будем ехать не менее получаса.

– На окраине города, что ли?

– Почти на самой окраине.

Вот он, удел провинциальных второсортных актрис, – подумала я. Каждый день готовы гонять за тысячу верст ради эпизодической роли минут на пять. И каждая на что-то надеется. Вдруг именно ее в этой роли заметят и предложат баснословные перспективы. Вот тогда-то, кажется им, жизнь и забьет ключом. Да уж, так забьет, что мало не покажется. И ключом, и замком, и пыльным мешком.

Тимирбулатова не преувеличивала. Мы подъехали к ее дому часов в десять вечера. Отпустили такси и пешком поднялись на пятый этаж.

– Лифтом я теперь уже никогда, наверное, пользоваться не буду, – призналась Ольга. – Боюсь.

– Да бог с ним, – утешила ее я. – Хожение пешком вверх и вниз по лестнице благоприятствует здоровью.

– Тоже верно, – согласилась она. – Как говорится, нет худа без добра.

Квартира у Тимирбулатовой оказалась трехкомнатной. В целом обстановка была простой, но сразу выделялись: дорогой гарнитур на кухне, хрустальная люстра необъятных размеров и персидский ковер на полу в гостиной. Все остальные вещи были старые, не первый год служившие. Складывалось такое ощущение, что предметы роскоши здесь случайны. Вроде как в гости зашли. Этот диссонанс меня заинтересовал, и я для себя взяла его на заметку.

– Вот тут я и живу. – Ольга разулась и босиком прошла в гостиную. – Заходи, Жень. Я не стала себя долго уговаривать и присоединилась к ней.

– Располагайся пока, – сказала Тимирбулатова. – Я сейчас накину что-нибудь домашнее и приду. Можешь телевизор включить.

После этого она упорхнула в спальню, а я осталась одна. Обошла комнату, выглянула в окно на улицу, затем вернулась в длинный коридор и проследовала вслед за Ольгой. Ее спальня была налево от коридора, с правой стороны располагалась еще одна комната, но дверь туда была закрыта. Прямо по центру туалет и ванная. Ольга что-то напевала в спальне, переодеваясь. Впечатление скорбящей вдовы она не производила.

Я вернулась в гостиную. Включила телевизор, но не успела сесть в кресло, как вернулась Тимирбулатова.

Ольга была одета в домашний халатик, волосы забраны назад в хвостик, на ногах по-прежнему ничего не было. Теперь и чулки исчезли. Видимо, Тимирбулатова любила ходить дома босиком.

– Ужинать будешь?

– Не откажусь.

– Тогда предлагаю перебазироваться на кухню. Я сооружу что-нибудь на скорую руку, и мы заодно поговорим.

Я согласилась, и мы так и сделали.

Для сооружений на скорую руку, как она сама только что выразилась, у Ольги имелась микроволновая печь.

Кружась по кухне, Тимирбулатова щебетала на разные лады и, сама того не подозревая, отвечала на мои вопросы.

– Сама я, Жень, не местная. Приехала в ваш город девять лет тому назад с наивной мечтой стать актрисой. Поступила, правда, сразу, но учеба в театральном давалась не очень легко. Однако это меня не остановило. В голове у семнадцатилетней девочки, сама понимаешь, романтизма хоть отбавляй. Два с половиной года проучилась и встретила Федю. Влюбилась, как кошка. Это я сейчас понимаю, что ничего в нем особенного не было, а тогда... Тогда он казался мне сказочным принцем. – При этих словах Ольга усмехнулась. – Представляешь, вешал мне лапшу на уши, что он перспективный фотограф и скоро сможет сделать так, что мои фотографии будут мелькать во всех модных журналах. Топ-модель собирался из меня делать. Да... – она призадумалась. – Если бы я знала, каким он окажется ничтожеством. Хотя, чего греха таить, от брака с ним я тоже кое-что выиграла. Квартиру, например, эту. – Она махнула рукой. – А то до этого все по общагам скиталась.

– Так это Ласточкина квартира? – спросила я.

– Его, родимого, его. Находится она не в центре, мягко говоря, но я бы и на такую не заработала.

– А он заработал?

– Нет, что ты! Эта квартира ему от родителей досталась, царство им небесное. Я их еще успела застать. Мы здесь все вчетвером жили, а теперь я одна. Кстати, они были очень хорошие люди. Не чета своему сыночку.

– Чем же он тебе потом так невзлюбился? – поинтересовалась я.

– Скользкий он какой-то был, Женя. Себе на уме. Секреты какие-то, тайны. Вечно чего-то недоговаривал, как будто никому в этом мире не доверял. Я таких не люблю.

– А на работе у него как дела шли?

Я наконец-то дождалась ужина. Впрочем, назвать это ужином можно было с трудом. Ольга сделала в СВЧ шесть бутербродов с сосисками и майонезом да сварила кофе. Поставив все это на стол, она тоже села. Прежде чем начать есть, закурила.

– На работе? – переспросила она. – Да бог его знает. Говорю же, он никогда ни о чем не распространялся. Все в себе держал. Но насколько я могу судить, у него там были периодически перепады. Надо полагать, от клиентуры зависело. То гроши получал, а то вдруг такие суммы приносил, что закачаешься. Да ты ешь бутерброды.

– Я ем, – ответила я и взяла один. Отпила кофе. – Так, может, он еще чем занимался?

– Да чем он мог заниматься? – Тимирбулатова состроила пренебрежительную гримасу. – Он же больше ничего не умел. Женщину приласкать и то не в состоянии. Только и делал, что чуть ли не целовался со своим фотоаппаратом. А ты говоришь, другим!

– Ну, например, наркотиками приторговывать много умения не надо, – высказалась я.

– Что? – не поняла Ольга. – Наркотиками? Федор? Не смей меня. Ты еще скажи – оружием.

– А сам он никогда не злоупотреблял?

– Наркотой-то? – прыснула Тимирбулатова. – Нет, Жень, он для этого слишком осторожный. К здоровью своему очень педантично относился.

– Может, он играл? – снова подкинула я версию.

– Во что?

– Ну, не знаю. В рулетку или в карты. Не ходил он ни в какие игорные заведения?

– Да, Жень, – покачала головой Ольга. – Если бы ты знала Ласточкина хотя бы один день, то тебе и в голову не пришло бы задавать такие вопросы. Он, к твоему сведению, даже в «дурака» играть не умел. А рулетка... Сомневаюсь, что он вообще знал такое слово.

Личность покойного Федора Ласточкина по-прежнему оставалась для меня загадкой. За что же его тогда могли убить, если он такой пентюх, по словам Ольги?

Тут Тимирбулатова переключилась на рассказ о своем знакомстве с Майоровым, о том, как стали складываться их взаимоотношения, как благодаря ему она смогла работать в престижном театре «Крейзи». В общем, по ее словам, знакомство с Майоровым в корне изменило ее существование, причем в лучшую сторону.

Когда же мы закончили ужинать, я спросила ее о том, что интересовало меня сейчас больше всего:

– Оля, у тебя есть подозрения, кто убил твоего мужа?

– Даже представить себе не могу, – ответила она. – Мне уже задавали этот вопрос в прокуратуре, но я в самом деле ничего не знаю. Кстати, насколько мне известно, у следователя, взявшегося за это дело, пока тоже нет никакой версии.

– А два покушения на тебя являются следствием его гибели?

– А что, может быть иначе?

– Не знаю. У тебя самой врагов нет?

– Нет. – Она суеверно плюнула через левое плечо три раза и постучала по столу.

– То есть на этот счет также отсутствуют какие-либо предположения?

– Отсутствуют, – кивнула Тимирбулатова.

– Плохо, – резюмировала я. – Нет ничего хуже, чем бороться с невидимками.

– Я сожалею.

Если Ольга и скрывала от меня что-то, в чем я лично сомневалась, то вытянуть из нее это сейчас все равно бы не удалось.

Побеседовав еще час, но уже на отвлеченные темы, мы пожелали друг другу спокойной ночи и отправились спать.

Застелив постель в гостиной на удобном диванчике, я с удовольствием растянулась во весь рост. Завтра день Восьмого марта. Ну что ж. Посмотрим, какие приятные сюрпризы он мне преподнесет.

Спустя мгновение я уже спала.

Глава 3

Утром я проснулась с прекрасным праздничным настроением и даже не сразу поняла, почему я не дома. Однако мне хватило нескольких секунд для того, чтобы вспомнить все предстоящие события.

Я встала с диванчика и потянулась. Весеннее мартовское солнышко освещало всю комнату. Выйдя в коридор, я убедилась в том, что Тимирбулатова еще спит. Видимо, у актеров не принято начинать день с самого утра. Впрочем, у Ольги сегодня, наверное, выходной. Или театры работают и в праздники?

Я сварила себе кофе и села в гостиной перед телевизором.

Пробежавшись с помощью пульта по всем каналам и убедившись, что, кроме восторженных поздравлений в адрес женщин, смотреть больше нечего, я попыталась сосредоточиться на деле. Вот уж у кого точно сегодня нет выходного дня, так это у меня.

Но предаться каким-либо размышлениям я не успела. На столике рядом со мной зазвонил телефон. Я секунду поколебалась и сняла трубку.

– Вас слушают.

– Это ты? – донесся до меня голос Жемчужного. – Поздравляю тебя с праздником. С международным женским днем.

– Спасибо.

– Желаю всех благ и, главное, неземной любви.

– Да где же ее найдешь? – театрально вздохнула я.

– А я на что? – тут же откликнулся Костя. – Ты только свисти, и я не заставлю себя ждать.

– Не сомневаюсь.

– Увидимся сегодня?

– Конечно, – ответила я. – Если у вас есть вечерний спектакль.

– Спектакль есть, – сказал Костя. – Даже в такой день поставили. Спасибо и на том, что репетицию с утра не сделали. Но я не об этом говорю. Днем тебя можно увидеть?

– А как ты себе это представляешь?

– Я заеду.

– Но я же не у себя дома, – напомнила я.

– Я знаю. Но мне известен адрес Тимирбулатовой. Так что можешь не беспокоиться.

Жемчужный был неисправим. Если он что задумал, то никакие преграды ему не помеха. Отговаривать его или намекать на чувство такта перед моей клиенткой было бесполезно.

– Ладно, заезжай, – разрешила я. – Тем более у меня есть к тебе одно поручение.

– Я так и знал. – Жемчужный сделал вид, что расстроился. – Ты во всем ищешь корысть. Пользуешься тем, что я ни в чем не могу тебе отказать, и вьешь из меня веревки. А какое поручение?

– Это не телефонный разговор. Приедешь, поговорим.

Я не могла быть уверена, что Ольгин телефон не прослушивается.

– Буду через пару-тройку часов, – заверил меня Костя и повесил трубку.

Я задумалась. Костя обещал мне оказать содействие в этом деле. Вот теперь пусть и отработывает на всю катушку. Я уже знала, какое заданье подкину ему. А сама в это время...

Тут течение моих мыслей снова было прервано.

– С самого утра уже на боевом посту, да?

С этими словами передо мной во всей своей красе предстала несравненная Ольга Тимирбулатова.

– Да нет, просто не люблю долго залеживаться в постели.

– На меня намекаешь? – улыбнулась она.

– Но ты тоже не так уж поздно встала.

– Я проснулась потому, что услышала тебя. Кстати, с праздником, Женя.

– Тебя также, – ответила я взаимной любезностью.

– Правда, у меня совсем ничего нет для праздничного стола, – призналась Тимирбулатова. – Да и настроение у меня неподходящее.

Это я успела заметить. От вчерашней жизнерадостной щебетуны не осталось и следа. Ольга выглядела подавленной. То ли ночью ее мучили кошмары, то ли с каждым днем она все явственнее ощущала драматичность событий.

– Пойдем позавтракаем, что ли? – предложила она без энтузиазма.

Вот тут-то, на пути в кухню, нас и застал звонок в дверь. Ольга ринулась было открывать, но я остановила ее, крепко взяв за запястье.

– Давай сейчас и на будущее договоримся. Ты не делаешь никаких опрометчивых поступков, и в первую очередь не открываешь никому дверь самолично. Договорились?

– Да, – кивнула она.

Звонок повторился.

– Уйди в комнату! – скомандовала я и, убедившись в том, что она так и сделала, пошла открывать.

Столь ранним визитером был Аркадий Майоров.

– Доброе утро, Женечка! – поприветствовал он меня и протянул букет роз. – С праздником вас. Оставайтесь всегда такой же цветущей.

– Спасибо, – поблагодарила я, впуская Майорова в квартиру.

– А где моя ненаглядная? – спросил он.

– Я здесь, – появилась в прихожей Ольга, прежде чем я успела что-либо ответить.

После этого они, совершенно не смущаясь моего присутствия, слились в страстном поцелуе.

– С Восьмым марта, дорогая, – произнес Аркадий Александрович, когда приветственный ритуал завершился. – То, что я могу тебе пожелать, ты и сама прекрасно знаешь.

Букет роз, который он преподнес при этом своей возлюбленной, в несколько раз превышал тот, что достался мне. Но я не стала привередничать или обижаться. Аркадий Майоров не был моим кавалером.

– Ничего, что я вот так рано вторгся в ваш тесный мирок? – расплылся в улыбке король сцены, снимая плащ и вешая его на крючок в коридоре.

– Что касается меня, то я всегда рада тебя видеть, – ответила Ольга. – Только вот угостить нечем дорогого гостя.

– Это не беда, – отмахнулся тот. – Я принес с собой все необходимое.

Вместе с пакетом он прошел на кухню и поставил его на стол.

– В наш тяжелый и многострадальный век лучший подарок – это продукты, – изрек Майоров.

Оказывается, романтика в нем напрочь отсутствовала. От этого Аркадий Александрович еще больше упал в моих глазах.

– Принимайте!

Подобно фокуснику, он раскрыл свой пакет и отошел чуть назад, разведя руки в стороны.

– Спасибо, Аркаша.

Ольга тут же принялась выкладывать на стол всевозможные деликатесы, на которые Аркадий Александрович так любезно разорился.

Я встала у окна.

– А что, вы сегодня не в настроении, Женечка? – полюбопытствовал Майоров. – Не горите праздничным фейерверком?

- Я на работе, Аркадий Александрович, – напомнила я.
- Конечно, конечно, – улыбнулся он в ответ. – Я надеюсь, ничего ужасного не произошло?
- Пока нет, – успокоила я его. – Но мне бы хотелось немного поговорить с вами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.